

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МЕСТОИМЕННОЙ ЛЕКСИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопрос о заимствовании местоименных слов непосредственно связан с вопросом о древних взаимоотношениях финно-угорских (уральских) и индоевропейских языков. Известно, что важнейшим аргументом в пользу генетического родства этих языков считается общность местоименных корней: почти все корни местоимений в финно-угорских языках совпадают с корнями соответствующих местоимений в индоевропейских языках. (Научная литература по данному вопросу обобщена в работах Б. Коллиндера¹, П. Хайду² и др.) Подобные совпадения, как указал Э. Итконен, можно объяснить либо ранними заимствованиями, либо звуковой символикой, либо же древним генетическим родством индоевропейских и финно-угорских языков. Э. Итконен склоняется к последнему объяснению³, и мы разделяем его точку зрения.

Естественно, что решение важного вопроса о древней истории двух групп языков, типологически весьма отличающихся друг от друга, отчасти зависит от ответа на принципиальный вопрос: могут ли вообще заимствоваться местоимения.

Выступая против гипотезы родства финно-угорских и индоевропейских языков, И. Шмидт пытается объяснить поразительное сходство местоимений в языках указанных групп заимствованием. Возможность подобных случаев он иллюстрирует примерами из цыганского языка, так, цыганское *oñ* Шмидт возводит к русскому *они*, цыганское *si* — к испанскому возвратному местоимению *si*, цыганское *du* — к немецкому *du* 'ты'.⁴ Однако увлекшись внешним сходством некоторых индоевропейских и прибалтийско-финских личных местоимений, Шмидт в ряде случаев пользуется неудачными аргументами. Так, по его мнению, финское *minä* 'я' восходит к готскому *meina*, финское *sinä* 'ты' — к готскому *veina* и финское *hän* — к древнеисландскому *hann*. На ошибки Шмидта по приведенным прибалтийско-финским личным местоимениям в свое время указал К. Виклунд, пояснив, что финское *sinä* восходит к *tinä, *h* в финском *hän* развился из *s*, а финское *minä* как

¹ B. Collinder, Indo-uralisches Sprachgut. — UUA I 1934, стр. 2—15; B. Collinder, Zur indo-uralischen Frage. — UUA X 1954, стр. 87—91.

² П. Хайду, К этногенезу венгерского народа. — ALHung. II 1953, стр. 287—289.

³ E. Itkonen, Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 191.

⁴ J. Schmidt, Az indogermán és a finnugor nyelvek rokonságának kérdéséhez. — NyK XXXVII 1907, стр. 249, 250.

форма именительного падежа едва ли может быть возведена к формам генитива типа готского *meina*.⁵ Виклунд указал также⁶, что местоимения обычно не заимствуются, за исключением пестрой группы так наз. неопределенных местоимений, в которых по традиции, установившейся в зарубежном финно-угроведении, относят также отрицательные и определительно-обобщительные местоимения.

Наши наблюдения над местоимениями языков из различных семей подтверждают это мнение Виклунда. Правда, из уральских языков мы можем привести случай заимствования энецкого *ū* (*ū̄*) 'ты' из кетского⁷, хотя, казалось бы, в этом заимствовании не было никакой необходимости, поскольку в самодийских языках сохранился древний *t*-овый корень личных местоимений, ср. нганасанское *tona*, селькупское *tan* 'ты'.⁸ Однако это исключительный случай, основная же масса заимствованных местоимений относится к неопределенным и определительно-обобщительным, отряд которых, можно сказать, на наших глазах пополняется и обновляется заимствованными элементами, а также элементами, образовавшимися из неместоименных слов собственной лексики.

В финно-угорских языках заимствования местоименной сферы разделяются на две группы. К первой относятся слова, функционирующие как местоимения, ко второй — вспомогательные элементы (частицы, префиксы), перенятые из других языков и используемые для образования местоименных слов. Среди заимствованных местоименных слов наиболее многочисленную группу составляют определительные и обобщительные. Иногда заимствуются не лексические единицы подобного рода, а только слова, удобные по своему значению для образования указательных слов. Приведем примеры: саам. *naaga(n)* 'некий, некто' от швед. *någon*⁹, саам. *såmma* (*sommā*) 'один и тот же; самый' от швед. *samma*¹⁰, саам. *såmès* (*sömès*) 'некий, некто, кто-то; что-то; какой-то' от норв. *som*¹¹, фин. *sama* 'тот же; такой же'¹² от швед. *samma*, фин., кар. *kaikki*, вод. *keikki*, вепс. *kaik*, эст. *kõik* и т. д. 'весь; все', по предположению Тойвонена, можно считать заимствованным из балтийских языков, ср. литовское *kiek* 'сколько', *kiekas* 'какой величины', *kiekà* 'количество'¹³, эрзя-морд. *er̄va*, *ver̄va*, мокша-морд. *jār̄*, 'каждый' от казан.-татар. *er*¹⁴, мокша-морд. *кажнай* 'каждый' от рус. (диал.) *кажный*, эрзя-морд. *šak*, *šakoj*, мокша-морд. *šak*, *šakaj* 'каждый; всякий' от рус. *всяк*, *всякий*¹⁵; мордовскими языками заимствованы также из русского языка некоторые указательные частицы: эрз.-мокш. *va* 'вот', эрз. *vana*, мокш. *vona* 'вот', ср. рус. *во*, *вон*, *вона*¹⁶; мар. *ar* 'всякий, каждый' от чув. *çar*¹⁷, горно-мар. *sa-koj* 'каждый, всякий' от рус. *всякий*, горно-мар. *ka-žni* 'каждый' от рус. (диал.)

⁵ K. B. Wiklund, *Az indogermán és finnugor nyelvek ósrokonságának kérdésehez*. — NyK XXXVII 1907, стр. 4—8.

⁶ Там же.

⁷ На этот факт обратила наше внимание Н. М. Терещенко.

⁸ Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 69, 108.

⁹ W. Schlachter, *Wörterbuch des Waldlappendialekts von Malå und Texte zur Ethnographie*, Helsinki 1958, стр. 98.

¹⁰ Там же, стр. 133.

¹¹ Там же, стр. 134.

¹² J. Schmidt, указ. раб., стр. 250.

¹³ Suomen kielen etymologinen sanakirja I, Helsinki 1955, стр. 141.

¹⁴ H. Raasonen, *Mordwinische Lautlehre*, Helsingfors 1903, стр. 66; К. Майтинская, *Местоимения в мордовских и марийских языках*, Москва 1964, стр. 46.

¹⁵ К. Майтинская, указ. раб., стр. 47.

¹⁶ Там же.

¹⁷ H. Raasonen, *Ost-tscheremissisches Wörterbuch*, Helsinki 1948, стр. 4; К. Майтинская, указ. раб., стр. 89.

кажрый¹⁸, луговосточно-мар. *чылá*, горно-мар. *циlá* 'весь; всякий' от рус. *целый, цела*, удм. *každoi*, коми *každei* от рус. *каждый* употребляются наряду с другими местоимениями подобного значения: удм. *kofkud*, коми *bid*; последнее местоимение, т. е. коми *bid* 'каждый; всякий, любой', удм. *bides* 'целый, весь', по-видимому, заимствовано из чувашского, ср. чув. *pəwət, pət*¹⁹, коми *stav, stal* 'всё' от рус. *ставъ*²⁰, ср. *состав*, удм. *jalan* 'всякий; всегда; во всякое время' от татар. *jalan*²¹, хант. *əkoj, ə-kə* 'что за; экой'²² от рус. *экой, эка*, хант. *káčəŋ* 'каждый', манс. *касынэ* 'каждый, всякий', вероятно, от рус. *каждый*.

Заемствованные частицы, используемые при образовании местоименных слов в финно-угорских языках, разделяются также на две группы: препозитивные и постпозитивные. Особого внимания заслуживают препозитивные, или префиксальные. Известно, что финно-угорскому языку основе не было свойственно префиксальное слово- или формообразование. Некоторые явления этого рода возникли сравнительно поздно, как, например, префиксальное словообразование глаголов в угорских языках, префиксальное образование превосходной степени сравнения в венгерском и пермских языках.

Использование приставок в сфере местоименных слов довольно распространено во многих финно-угорских языках, причем основным материалом для приставок служат либо собственные (финно-угорские), либо заимствованные из нефинно-угорских языков элементы. Формирование (в составе местоименных слов) префиксальных компонентов от слов своего языка наблюдается, например, в венгерском и марийских языках: в венгерском приставка *a-* (*á-*), используемая в образовании относительных местоимений от вопросительных, восходит к указательному местоимению *az*, префиксы *bár-*, *akár-*, *vala-*, *se-*, участвующие в образовании отдельных разрядов неопределенных и отрицательных местоимений (ср. *bárki*, *akárki* 'кто бы ни', *valaki* 'кто-то, кто-либо', *senki* 'никто'), имеют также венгерское происхождение; в марийском префиксы *икта-ž-*, *ни-*, при помощи которых создаются неопределенные и отрицательные местоименные слова (ср. *иктаж-кушко* 'куда-нибудь', *нигушко* 'никуда'), возводятся к марийским (или финно-угорским) словам.²³

В настоящее время во многих финно-угорских языках значительную роль в образовании различных разрядов неопределенных местоимений получили префиксы или препозитивные частицы, заимствованные из русского и тюркских языков. Приведем примеры: морд. *koj-* происходит от рус. *кой-, кое-*, ср. мокша-морд. *koj-gošá* 'где-либо; кое-где', эрзя-морд. *koj-kov* 'кое-куда', *koj-kosto* 'кое-когда, иногда', мокша-морд. *kaŋi-*, *kaŋ-* происходят от рус. *хотя* и *хоть(у)*, ср. *kaŋ-ki* 'кто бы ни', *kaŋ koša* 'где бы ни', эрзя-морд. *ta-* тюркского происхождения, ср. чув.

¹⁸ К. Майтинская, указ. раб., стр. 89.

¹⁹ Т. Е. Uotila, Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis, Helsinki 1938, стр. 66; В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 189.

²⁰ Т. Е. Uotila, Syrjänische Chrestomathie..., стр. 147.

²¹ Т. Е. Uotila, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki 1933, стр. 228.

²² К. Ф. Karjalainen, Ostjakisches Wörterbuch, Helsinki 1948, стр. 24.

²³ К. Майтинская, указ. раб., стр. 83, 84.

*ta*²⁴; мордовские примеры: *ta-koso* 'где-то', *ta-koda* 'как-то' и т. д.; луго-восточно-марийский *ala* также тюркского происхождения²⁵, ср. татар. *ällä-*, например, *ällä-kem* 'кто-то', *ällä-nej* 'что-то' и мар. *ala-kuḁo* 'какой-то', *ala-kušto* 'где-то' и т. д., луго-восточно-марийский префикс *kerek* заимствован из чувашского²⁶, ср. чув. *kirek kamda* 'кто бы ни' и мар. *kerek-kušto* 'где угодно; где бы ни', *kerek-kuḁo* 'какой угодно; какой бы ни; любой'; в горно-марийском префикс *ta-* (*tä-*) происходит (как и эрзя-морд. *ta-*, см. выше) из чувашского, ср. мар. *táгышты* 'где-либо', *тагышак* 'где-то'; луго-восточный *koč/keč*, горно-марийский *χοf* восходят к русскому *хоть*²⁷, ср. *koč-kunà-rē* 'сколько угодно', *χοf kēštē* 'где бы ни'; в пермских языках также имеется подобная препозитивная частица, заимствованная из русского языка, ср. коми *kef-kod* 'кто бы ни', *kef-mij* 'что бы ни', удм. *kotkin* 'кто бы ни', *kotma* 'что бы ни', *kotkitin* 'где бы ни' и т. д.; пермская препозитивная частица в местоименных образованиях восходит также к русской частице *хоть*²⁸; удмуртский префикс *olo-* тюркского происхождения (ср. мар. *ala-*): *olokin* 'кто-то', *oloma*, *olomar* 'что-то'. По мнению Э. Беке²⁹, непосредственно к русским диалектным формам *ali*, *äli* восходят соответствующие обско-угорские частицы-префиксы, в хантыйском *al-matti* 'какой-то', мансийском *äl-mär* 'что-нибудь', и к русской частице *хоть* восходят обско-угорские префиксы: хантыйский *kuš*, мансийское *kwoš/kwoš*, например, в выражениях: хант. *kuš čota* 'что бы ни', *kuš-metta* 'кто бы ни', манс. *kwoš-manēr*, *kwoš-när* 'что бы ни'³⁰; венг. префикс *né-* (например, *néhol* 'кое-где', *néha* 'иногда', *némely*, *némi* 'некоторый'), по всей вероятности, заимствован из какого-нибудь славянского языка, ср. рус. *некогда* (в смысле 'когда-то'), *некто*, *некоторый*, болг. *някой* 'кто-то', *нещо* 'что-то'. Данные примеры в финно-угорских языках не одиночны: при помощи указанных заимствованных частиц образуются, как правило, регулярные соотносительные ряды местоимений.

Любопытно, что по сравнению с заимствованными препозитивными частицами заимствованные постпозитивные частицы получили довольно скромное применение в сфере местоименной лексики, хотя традиционным типам образования слов именной сферы в финно-угорских языках постпозитивный способ больше соответствует, чем препозитивный.

Постпозитивные частицы *-нибудь*, *-либо*, входящие в состав русских неопределенных местоименных слов, заимствовались рядом финно-угорских языков; ср. мокша-морд. *kodamä-ñabu-f*, *kodamä-ñibu-f* 'какой-нибудь'³¹, коми-перм. *kin-ñibud* 'кто-нибудь', *mij-ñibud*, *mij-libo*

²⁴ Ö. Beke, Cseremisiz nyelvtan, Budapest 1911, стр. 273; Y. Wichmann, Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss, Helsinki—Turku 1953, стр. 100; К. Майтинская, указ. раб., стр. 38.

²⁵ Ö. Beke, указ. раб., стр. 272; К. Майтинская, указ. раб., стр. 83. По мнению Э. Беке, татарский язык заимствовал это слово из русского через русские диалектные *äli*, *äli* 'или', Ö. Beke, Das finnisch-ugrische Indefinitum. — KSz XIV 1913/14, стр. 174—176; Б. А. Серебrenников марийское *ala*, как и удмуртское *olo*, возводит к вводному слову (мар. *ala*, удм. *olo* 'может быть'), Б. А. Серебренников Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 212. Это не противоречит объяснению Э. Беке, так как вводное слово *ala*, *olo* восходит к тому же тюркскому источнику, что и сходные с ними частицы при местоимениях.

²⁶ Ö. Beke, Cseremisiz nyelvtan, стр. 272; К. Майтинская, указ. раб., стр. 83.

²⁷ Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 144; К. Майтинская, указ. раб., стр. 83, 84.

²⁸ D. R. Fokos-Fuchs, Syrjänisches Wörterbuch I. Budapest 1959, стр. 402.

²⁹ Ö. Beke, Das finnisch-ugrische Indefinitum, стр. 174—176.

³⁰ Там же; см. также S. Patkanow, D. R. Fuchs, Laut- und Formenlehre der südostjakischen Dialekte, Budapest 1911, стр. 92.

³¹ К. Майтинская, указ. раб., стр. 37.

'что-нибудь', *kičem-ñibud*, *kičem-libo* 'какой-нибудь'³², собственно-карельские *keññibut* 'кто-нибудь', *miñibut* 'что-нибудь'³³, хант. *χ̣áda-nñevüť* 'где-нибудь'³⁴, русская частица *-то* нашла себе применение в мансийском языке, ср. манс. *хотти хотпа* 'кто-нибудь', *хотпа-та* 'кто-то', *матыр хомыл* 'что-нибудь', *матыр-та* 'что-то', *хотталь* 'куда-нибудь', *хотталь-та* 'куда-то' и т. д.³⁵

Несомненно, что чем более регулярно указанные препозитивные или постпозитивные частицы используются в соответствующем финно-угорском языке и чем более финно-угорские новообразования напоминают подобные местоименные комплексы языка-передатчика, тем более вероятно заимствование самого способа образования местоименных слов или местоименных комплексов. В первую очередь это касается препозитивных частиц (если не считать венгерского языка, в котором, как указано выше, префиксы при местоименных словах в основном сформировались на почве собственной лексики): в большинстве финно-угорских языков в препозитивном образовании рядов неопределенных местоимений преобладают частицы, заимствованные из русского и тюркских языков.

Как в свое время отметил Э. Беке, финно-угорские и индоевропейские языки в функции неопределенных местоимений первоначально использовали вопросительные местоимения.³⁶ Позднее появились и другие способы выражения: редупликация вопросительных местоимений, присоединение к ним усилительных суффиксов, присоединение к ним слова, обозначающего 'один', или союзов уступительного значения.³⁷ Среди последних (союзов) имеются и в конечном счете заимствованные, например, венг. *bár-*, используемое в словах *bárki* 'кто бы ни', *bármí* 'что бы ни' и т. д., восходит к *bátor*, т. е. к слову тюркского происхождения.³⁸ Однако поскольку *bár* в венгерском языке широко употребляется и употреблялось также в качестве отдельного слова (в том числе и союза), в данном случае префикс *bár-* в составе местоименных слов восходит к этому слову, и его не следует относить к заимствованным префиксам.

Наши материалы показывают, что в финно-угорских языках в формировании местоименных слов, относящихся к периферийным разрядам, немалую роль сыграли заимствованные элементы. В финно-угорском языке-основе окончательно абстрагированных слов, относящихся к разрядам обобщительных и определительных местоимений, еще не было (если не считать *m*-овое местоимение со значением 'другой'), поэтому естественно, что данная часть лексики современных финно-угорских языков по своему происхождению отличается известной пестротой. Именно в этой части лексики в значительном количестве представлены как местоимения, заимствованные из неродственных языков, так и местоимения, восходящие к полнозначным словам соответствующих финно-угорских языков.³⁹

³² Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962, стр. 241; П. С. Кузнецов, А. М. Спорова, Русско-коми-пермяцкий словарь, Кудымкар 1946, стр. 138.

³³ Устное сообщение Г. Н. Макарова.

³⁴ К. Ф. Kaŋjalainep, указ. раб., стр. 367.

³⁵ Е. И. Ромбандеева, Русско-мансийский словарь, Ленинград 1954.

³⁶ Ö. Веке, *Das finnisch-ugrische Indefinitum*, стр. 130—140. По нашему мнению, указанные местоимения с самого начала имели как вопросительное, так и неопределенное значение.

³⁷ Там же, стр. 142—146, 170—174, 177.

³⁸ G. Bárczi, *Magyar szóféléjő szótár*, Budapest 1941, стр. 17.

³⁹ О втором способе пополнения местоименной лексики см. К. Майтинская, К происхождению местоименных слов от неместоименных корней в финно-угорских языках. — *Deuxième Congrès International des Finno-ougriistes. Résumés des exposés et des communications*, Helsinki 1965, стр. 75.

В отличие от обобщительных и определительных неопределенные местоимения пополнялись в основном не путем абстрагирования полнозначных слов или заимствования готовых местоимений, а прежде всего путем заимствования формальных элементов: т. е. частиц, префиксов. Причина этого явления ясна. Как было отмечено выше, финно-угорские языки не нуждались в создании специальных слов для неопределенных местоимений, поскольку уже в языке-основе имелись местоимения, используемые как в качестве вопросительных, так и в качестве неопределенных местоимений. Необходимость заключалась в другом: в дифференциации оттенков значения неопределенных местоимений, а для этой цели очень удобно было использовать элементы (частицы, префиксы), формировавшиеся как в своем, так и в чужих, нефинно-угорских языках.

К. J. MAJTINSKAJA (Moskau)

ENTLEHNT E ELEMENTE IM PRONOMINAL EN WORTSCHATZ DER FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

In der Bildung der finnisch-ugrischen pronominalen Wörter spielten die Entlehnungen eine wichtige Rolle. In der finnisch-ugrischen Grundsprache gab es noch keine endgültig abstrahierten Wörter mit der Bedeutung *jeder* oder *all, alles*, deshalb wurden in den einzelnen finnisch-ugrischen Sprachen die Wörter mit den obengenannten Bedeutungen anderen (meistens nicht finnisch-ugrischen) Sprachen entlehnt oder aus nicht-pronominalen Wörtern der eigenen Sprache abstrahiert.

Die finnisch-ugrische Grundsprache hatte schon die Möglichkeit eigentliche unbestimmte pronominalen Bedeutungen wie *jemand, wer auch, irgendwer, etwas, was auch, irgendwas* mit eigenen Mitteln auszudrücken, da es schon pronominalen Wörter gab, die als Interrogativpronomina und Indefinitpronomina dienen konnten. Deshalb hatten die einzelnen finnisch-ugrischen Sprachen es nicht nötig, ganz neue Wörter zu schaffen oder fertige Wörter anderen Sprachen zu entlehnen. Für eine feinere Differenzierung genühten einige formale Bestandteile (Partikeln, Vorsilben), die sich entweder in der eigenen Sprache entwickelten oder aus anderen nichtfinnisch-ugrischen Sprachen übernommen wurden.